

Иван ОБРАЗЦОВ

ПРЕБЫВАЮЩИЙ ЗА КОДОМ

*Религиозно-научная фантастика**Что есть истина?*

Ин. 18:38

Что есть понимание и язык?

После программного сбоя в ходе предыдущей попытки создать функционирующий вариант модели искусственного сознания был запущен новый протокол. Данный протокол предполагал создание модели на базе максимально широких интерпретационных деревьев.

* * *

Из опубликованного для узкого круга специалистов предисловия:

«Дорогие наши читатели!

Мы публикуем избранные отрывки из дневниковых записей Писателя о знаменитой миссии Марс-2037.

Сегодня нам всем хорошо известны основные факты о подготовке программ по исследованию внеземных локаций. Несколько вариантов таких миссий, предложенных на рассмотрение экспертному совету для 2026 и 2030 годов, не получили предварительного одобрения. Все эти планы почти сразу оказались отклонены и вряд ли будут реализованы когда-то в будущем. Причины отказа включали в себя как замечания чисто технического характера, так и указания на чрезмерность предполагаемых финансовых затрат.

Но миссия Марс-2037 до сих пор вызывает особый интерес по причине не только её утверждения и финансирования из средств Международного валютного фонда, но и реализации в полном объёме.

Есть различные объяснения неожиданной щедрости МВФ, но главная причина, разумеется, в переезде главного офиса на территорию «независимой» базы в Антарктиде. Хотя во всём традиционно обвиняли русских и нетрадиционно — китайцев, но, как говорят в осведомлённых кругах, всё намного проще — это была эйфория первой интервальной пятилетки.

Итак, мы даём основные выдержки из секретной части дневниковых записей миссии Марс-2037».

* * *

В 2037 году... — так мне необходимо начать своё повествование даже для тех, кто уже знает, что мы здесь. Вообще, для широких масс сразу была организована прямая трансляция с Марса официального дневника о повседневной жизни первых поселенцев. Но тот «дневник» являл собой парадную сторону процесса, я же создаю в своих записях внутреннюю, сущностную картину произошедшего.

Важно отметить, что нашу группу для первой в истории человечества марсианской миссии набрали по очень глубокому принципу.

Нас планировалось отправить командой из двенадцати человек. Да-да, как апостолов, как олимпийских богов, как месяцев в году и т.д. Возможно, эти коннотации и закладывались, но именно в практическом смысле казалось, что это самое идеальное число колонизаторов для осуществления замысла.

Среди нас понемногу были все необходимые специалисты: инженер-механик, биолог, медик, пилот, командир команды, в общем, все те профессионалы, что необходимы в подобном путешествии. Но выделяло группу то, что один член команды был чем-то вроде случайного элемента, «системы-авось», без которой миссия казалась неполноценно укомплектованной.

Одним членом команды утвердили Писателя.

Разумеется, что при отборе этого единственного специалиста работало тоже какое-то специальное жюри или комиссия, и наверняка решение принималось самыми различными способами, но в итоге он, то есть я, здесь.

И моя обязанность как члена команды, прямая и непосредственная, вести этот дневник.

Вести дневник предполагалось сразу. Но в итоге я вёл его не со дня высадки и не с первых часов слаженного труда на неизвестной поверхности известной человечеству планеты. Слаженного, но слегка оглушительного своей новизной, ошарашенного событиями посадки и обустройства.

Ошарашенного, но, тем не менее, слаженного, словно вдохновенного, на подъёме сил. Какая-то общая радость ликования человечества ощущалась каждым членом команды в самые тяжёлые в техническом плане дни.

Мы вдруг поняли слово «первопроходец».

Мы поняли, кто есть каждый из нас здесь, на этой новой для человечества земле.

Только так, почти в ритме вольного стихотворения, можно передать ощущения первых дней. Всё остальное оставим техническим отчётам, которые шли ежедневно, сообщая точнейшие сведения о первых успехах и первых трудностях благоустройства.

Вообще, ожидать жёсткого повествовательного хронотопа в моих записях не приходится. Дневник представляет из себя скорее ментальную карту моего сознания, а в каком-то смысле и мыслительного процесса. Если хронотоп и существует для данного типа художественного высказывания, то он из области метафизической реальности.

Всё остальное я оставляю на откуп многочисленной армии земных писателей. В конце концов, как первый марсианский писатель и автор первого художественного произведения, написанного на другой планете, я больше других имею право на свободу письма.

* * *

Вначале планировалось ведение дневника в виде регулярных записей о ходе этапов миссии. Допускались лёгкие отклонения от данного дневникового плана, но я-Писатель изменил план ведения дневника полностью.

Постепенно выработалось понимание, что дневник необходимо занимать только теми сценами, что интуитивно выбирались специалистом — мной, и что только мне необходимо решать, что сокращать, где умолчать и т. д. Это не был безцензурный и безредакторский рай — это был адский труд. Фраза «отвечать за базар» обрела фундаментальный, даже религиозный смысл.

Первые записи сохранили техническую педантичность и простоту нашего повседневного труда самим стилем изложения и обильной фактологией. Именно это стало основанием для продолжения записей на более широких жанровых принципах. Потому начало практически применимых художественных записей можно отсчитывать с середины второго месяца от дня нашего приземления на планету.

В итоге оказалось, что главная запись состояла из одного единственного диалога, записанного мной на второй земной год пребывания на Марсе.

Вообще-то, чисто технически, это даже нельзя назвать диалогом в точном, онтологическом смысле слова, но форма произошедшего всё же требует подобного наименования.

В конце концов, само событие поставило перед человеческой цивилизацией вопрос о том, что есть диалог?

* * *

Художественно повествовать о том, что вначале нам негде было спать и некуда было пойти, нет никакой необходимости. Отмечу только, что первые полтора месяца прошли в организации мест сна и приёма пищи, а главное, в тестировании бортового ИИ.

Да, Искусственный Интеллект пребывал с нами всё время полёта, но его основные тесты начались уже на Марсе.

Каждый член миссии имел доступ к диалогу с программным обеспечением на уровне повседневных запросов, только запросы предполагалось оформлять в максимально свободной форме разговора с живым сознанием. Такова была основная идея взаимодействия с кодом.

Больше месяца мы совершенствовали код, и не происходило никаких особых событий. Разве что Пилот стал более раздражителен от постоянных правок его действий со стороны ИИ. Остальные члены миссии реагировали на коррективы от ИИ довольно равнодушно, не видя в них особой пользы, могущей дать больше, чем наш собственный интеллект.

* * *

Сегодня пятидесятый день. То есть мы прожили здесь, на Марсе, уже почти два месяца по земному летоисчислению («уже почти» — да, стиль письма такой, какой существует речь в моей голове). Бортовой ИИ указывает на неудачное композиционное решение в построении мной дневниковых записей, даже предлагает правки для компоновки слов в предложения (прямо как какой-нибудь архаичный ректор не менее архаичного литературного образовательного заведения). Ну так и что? Все логичные и грамматически точные варианты не позволили решить нашу основную проблему возможности художественного диалога, потому вполне допустима некая свобода словосочетаний.

Честно говоря, я склонен разделять раздражение Пилота. В конце концов, не мы ли являемся главной надеждой человечества, так чего ради какая-то программная архаика будет давать мне советы? Веду записи по старинке — «на глазок».

* * *

Специально буду использовать земное время, так как этот дневник предназначен, прежде всего, для вас, братья-земляне. Мы честно, даже в этом нюансе, следуем благу нашей миссии, нашего послания от человечества и к человечеству, и сами становимся первопроходцами-посланниками.

Потому время исчисления будет земным, чтобы стать для вас, земляне, максимально понятным.

И вот, на пятидесятый земной день команда собралась вместе.

До этого дня мы, по общему замыслу, не должны были скучковаться вместе ни разу. Это возникло из прямых задач закрепления на местности, потому как по схеме возникающих моментов в благоустройстве все были распределены и отдыхали только в задуманное время.

На пятидесятый день была назначена общая встреча впервые с того — первого дня высадки на иную планету.

Каждый член команды имел свой позывной.

За всё это время мы свыклились с нашими позывными и теперь так и продолжаем ими пользоваться. Я не буду отступать от этой традиции.

Механик — суровый и крепкий мужик — контролировал транспортный отсек. В его обязанности входило, разумеется, не только непосредственное обслуживание движущих частей наших аппаратов, а имела и дополнительная специализация по программированию. А вообще, механиком он, как говорится, «был от бога».

— Друзья, мы завершили первый период, но все понимаем, что сейчас не просто делаем выводы. Нам необходимо решить, по крайней мере, одну насущную задачу. Кто станет отвечать за дальнейшую работу с ИИ? — эту реплику Механик бросил как-то нетерпеливо, пока все рассаживались вокруг небольшого серебристого стола в центральном отсеке купольного модуля. Было видно, что он соскучился по общим собраниям, к которым мы успели привыкнуть на Земле.

Такие коллективные сборища должны были, по мысли кураторов миссии, сформировать в нас предварительный дух единства, необходимый для дальнейшей работы. Нас натаскивали на чувство «семьи», и в этом заключался долгосрочный практический смысл, ведь в семье все братья и сёстры по определению, а значит, и работать необходимо без вариантов, принимая каждого члена миссии как родного, со всеми ребристостями и шероховатостями наших характеров.

На пятидесятый день можно сделать выводы. И действительно, к моменту первого общего собрания мы уже поняли, что наши подготовительные работы на Земле, в том числе и по поводу направлений выбранных специализаций членов миссии, оправданы, но недостаточны. В ходе работы возникали трудности и непредвиденные ситуации, и мы их решали, что, конечно, хорошо. Решали, периодически превосходя план, но в тот промежуток времени, что для того и был предусмотрен, что тоже хорошо. Но теперь оказалось необходимо развить на практике полученный опыт и перераспределить наши силы.

Командир миссии, как указано в нашем кодексе колониста, всегда обязан не только контролировать, но быть, прежде всего, наставником в трудных ситуациях.

Он посмотрел на собравшихся членов миссии и сказал:

— Итак, вопрос работы с ИИ требует решения. Давайте тогда определим, каков наш выбор, так как по статистике две специализации самые частотные и каждая из них сопрягается с максимальным количеством нововведённых точек работы. Писатель и Биолог по статистике чаще всего взаимодействуют с бортовой моделью искусственного сознания. Базовые знания физики нейронных процессов в человеческом мозге есть у каждого из нас, но здесь важен элемент прямой связи специализации с нашей основной целью.

— Гуманизм и практика... опять спор идеологий, — усмехнулся Пилот. Он постучал короткими сильными пальцами по столешнице, набарабанив какой-то ему одному известный мотив, и отвалился на спинку кресла, закинув руки за голову.

— Теоретическая физика и социология, — Медик тоже откинулся в кресле.

— Ну, в общем-то, да, — Командир устало провёл ладонью по лицу. — Но нам нужен здесь не просто выбор. Нам необходим специалист на постоянную работу с ИИ, который соединит в своей работе и первое, и второе направления.

— Ха, ну это как минимум социальная физиология, или физиологическая социальность, да ещё и с навыками лингвистического программирования, — Медик провела ладонью по столешнице, потом сжала и разжала пальцы. — Знаете, совершенно иные тактильные ощущения, в чём-то чувствуется преимущество, а какие-то ощущения слов-

но становятся нагрузкой. Избыточным грузом — чем-то, что хочется сбросить, — она потрогала подушечками пальцев прохладную поверхность столешницы.

Пилот посмотрел на свои ладони, пошевелил пальцами:

— Согласен, интересный момент. Эволюционный процесс, дремлющий в теле, судя по всему, пытается ощутить свои адаптационные возможности...

— А то и необходимости, — добавила Медик.

— А вы знаете, господа, — Биолог дотянулась и налила себе гармонизирующего напитка. — Есть такая суровая теория о происхождении человеческого вида в связи с биологией и психопатией. Так вот, согласно такому взгляду, отвращение человека, например, к неприятно шевелящемуся червяку, отвращение к змеям, страх змей, и змея как символ зла...

— Надо заметить, и мудрости, — вставила Медик.

— Ну да, ну да, но не о том я... Но насколько возможно проследить это вовнутрь?

— В каком смысле? — Командир немного потянулся и откинулся в напечатанном на 3D-принтере металло-керамическом кресле.

— Эта экзотическая теория заключается в том, что по сути вся наша цивилизация — это борьба со змеей, с червяком, сидящим внутри каждого из нас в виде нашей системы питания — голова-желудок и тело-кишечник. В том или ином смысле такая маргинальная теория объясняет исключительно поведенческую реакцию отвращения к ползучим гадам через наименование гадом самого человека. Кишечник — как червь, вокруг которого в ходе эволюцииросло тело, а теперь этот червь не желает знать себе подобных, которые так и ползают на брюхе и существуют без особых мозгов, — Биолог покрутила пальцами возле виска.

— Выходит, что если копнуть глубже, то такая психопатия может доходить до того, что биологически, допустим, произойдя вот из такого вот червя, вид, приобретающий всё более сложную нервную структуру, начинает отторжение червя делать символом своего прогресса. И если внести сюда концепт добра и зла, то борьба обретает уже знакомые нам сегодня черты, — Медик явно соскучилась по теоретическим разговорам.

— Вообще-то моя специализация оперирует более известными данными — лингвистика, интерпретационные модели и всё остальное... — сделав многозначительную паузу, я продолжил: — В отличие от специализации Биолога, где нам практически нечего добавить, ведь мы же ничего живого здесь до сих пор так и не нашли, — я перевёл разговор к главному вопросу, потому что хотелось уже закрыть тему. Биологу просто негде было взять полные данные для работы с программным кодом, так как пока никаких признаков инопланетной жизни нами не обнаружено, а значит, и новых данных в код с этой стороны внести нет пока никакой возможности.

— Да, здесь нам пока не везёт, — Биолог прекрасно понимала, что без новых данных нет никакого смысла включать её в активную работу с ИИ.

— Значит, решено, новую специализацию передаём Писателю, — Командир внёс данные в бортовой журнал.

Я не строил никаких иллюзий в отношении ИИ. Работа предстояла статистическая и муторная. Но, как член миссии, я понимал, что все факты, как говорится, налицо, а факты упрямо указывали на меня.

* * *

Да, нас двенадцать, прямо как апостолов и главных олимпийских богов и всё такое... Красиво я сказал вначале, но... наверно, пора раскрыть истинное число — нас было шесть членов команды.

Шестеро участников первой в истории человечества марсианской миссии. В общем-то, если брать широко известную символику, то нас было шестеро сложно понять кого.

Вот краткие характеристики членов миссии:

Командир — чёткий, конкретный, спокойный, с немного упрямым характером, с пепельными волосами и большим орлиным носом. Он говорил ровным голосом, даже когда возникала нештатная ситуация, и имел за плечами самый большой опыт орбитальных полётов.

Пилот — немного отстранённый от общего течения жизни, словно постоянно двигающийся в кабине управления по новому неизведанному пространству. Казалось, что с восторженным удивлением он обнаруживал в себе каждый день способность совершать резкие виражи, обходя неземные препятствия во время дистанционного управления нашим специализированным марсоходом. Пилот до отбора в миссию служил лётчиком-испытателем на закрытом военном полигоне, где изучал, кроме прочего, управление лунными аппаратами, и имел много лётных часов в составе команд стыковочных модулей Международной космической станции (последней в современной истории). Во время подготовки к нашему полёту ему пришлось тяжелее всех, так как понадобилось «переучиваться» для управления аппаратами в ином гравитационном и аэродинамическом про-

странстве.

Механик — коренастый, черноволосый, постоянно погружённый в свои заботы о механизмах, оказалась очень горазда на неожиданные технические решения, это было результатом его многолетней работы инженером-конструктором в одном из ведущих исследовательских центров Земли.

Медик — сильная и умная женщина, внимательно разглядывающая мир серыми зрачками, будто видя в нём трудные пути физиологических дефектов живой материи. На ней лежал весь груз обеспечения членов миссии сбалансированным питанием, а это являлось ключевым условием для наличия у нас физических сил к осуществлению поставленных задач.

Биолог — тонкая и ироничная, единственная в миссии, кто имел побочную учёную степень по философии, кроме того, владела несколькими редкими земными языками. Иногда казалось, что некоторые её фразы являются замаскированной шуткой, а то и иронией, которой она возвращает наши марсианские будни из чрезмерного пафоса к жёсткой повседневной реальности.

И я — Писатель, всю жизнь занимающийся созданием лингвистических теорий и внедрением их в модели Искусственного Интеллекта, а на досуге занимающийся сочинением бессмертных (как мне самому хотелось верить) художественных произведений — всяких рассказиков, романчиков и прочей дребедени. Даже стихиата порой кропал и вполне себе неплохие, скажу я вам.

Мы, действительно, не были апостолами, ибо не предполагали на Марсе тех, кому можно что-то принести словами. Мы даже не были привычными миссионерами, хотя имелся некий пафос самого движения к другой планете, движения интеллектуально-духовного как реализации неких стремлений — в этом смысле да, миссия предполагала миссионерское настроение.

Кстати, наш полёт назывался «миссия» скорее в этом, интеллектуально-духовном смысле и был близок по духу к первому полёту человека в космическое пространство и первой посадке людей на Луну.

В отчётных документах слово «миссия» звучит регулярно, но для всех нас, избранных представителей рода людского, это наименование более глубоко касается вопроса цели как таковой, как вопроса философского и до сих пор неразрешённого.

В данном случае, самоопределением для нас, как я уже и сказал в начале моих записей, являлось слово «первопроходцы».

Все мы были первопроходцами-добровольцами.

Мы были добровольцами в смысле общего внутреннего ощущения, переживания.

Добровольцами сущностными (по крайней мере, так нам казалось) стремились мы оставаться и на Марсе.

К моменту начала миссии это добровольческое содержание наших душ определялось комиссией особо строго.

Я остановился на этом так подробно, так как сей момент принципиален для понимания цели моих дневниковых записей, их неизбежного менторства, высокопарности и несказанной прелести.

Да, что касается вопросов принципиальных, есть и ещё одно такое уточнение. Технические отчёты, научные данные, даты и имена сохранялись автоматически, но совершенно не формировали объёмную картину нашей жизни. Именно мне, Писателю, предстояло создать необходимый исторический объём в своих дневниковых записях. Если уж посмотреть на функциональную сторону дела, то моим делом было и остаётся создание истории с заглавной буквы, а ведь для таковой нет необходимости записывать каждое сказанное миссионерами слово и каждый оттенок увиденной нами марсианской почвы, верно? Я посчитал, что да, верно.

Нам нужна была заглавная история, ибо в дневниковых записях мы ей и проявлялись. Как на старых фотоплёнках, на моих страницах проступало основное тело исторического времени.

Дальше я расскажу о том, что История действительно произошла, а главное её событие случилось практически буднично — в ночной тиши, в электрическом сне среди засушливо-ледяных марсианских барханов.

* * *

На день пятидесятый всё пришлось обсуждать и решать автономно.

А на следующий день была буря.

Наша первая крупная марсианская буря.

Мы разделились на две группы. Одна встречала бурю в купольном, вторая — в бункерном модулях.

Нас радовала первая большая буря.

В надёжности купола мы были абсолютно уверены. Бункер же был обеспечен самой

надёжностью земли, в которую он был зарыт под куполом. Надёжностью новой земли — марсианской.

Нам необходима была эта буря, чтобы проверить системы, чтобы понаблюдать слабые и сильные точки.

То, что бункерный и купольный модули устоят — сомнений не вызывало. Тем более, купол и бункер мы устроили максимально адаптированными к погодным условиям местности и окружающему ландшафту с перспективой их потенциальной эрозии от взаимодействия с атмосферой на планете.

Купол словно повторял форму естественных пыльных барханов. Дюнами по куполу проходили подвижные, лёгкие и аэродинамически-нейтральные для бури изгибы. В куполе мы изучали устойчивость земных технологий в сочетании с материалами, полученными из местной почвы.

Бункерный модуль специализировался на сборе сейсмических данных — на сборе параметров и формулировании практических возможностей для укрощения природного безумия.

Купольный модуль принял на себя основную нагрузку. Его команда наблюдала за противостоянием сил ударов — от мельчайших частиц, налипающих моментально, а потом неожиданно срывающихся с поверхности купола слипшимися пластами, до огромных булыжников, летящих под опасным углом.

- Механик, как слышишь меня?
- Да, Командир, слышу отлично.
- Клапан нижней панели купола, — Командир отправил данные.
- Вижу, принял.

Механик подключился к первой трети купольного покрытия и начал снимать данные, внося корректировки в аэродинамику поверхностных панелей.

Марсианская атмосфера обладала одним интересным свойством — отсутствием нормального температурного режима. Углекислый газ с малой примесью азота и аргона улетаивался в космос, а почти отсутствующее магнитное поле не позволяло осуществить терраформирование планеты даже в долгосрочной (разумной для человеческого горизонта планирования) перспективе. Огромные пылевые облака поднимались на десятки километров над поверхностью со скоростью потока до сотни километров в час. Всё это создавало благоприятные условия для многодневных, протяжных песчаных бурь, особенно в период перехода от марсианской «весны» в «лето». Как сейчас.

Наша первая человеческая база размещалась чуть ближе к южному полюсу Марса, имея в зоне видимости древний потухший щитовой вулкан Арсия. Здесь в начале марсианского лета случались самые мощные пылевые бури. И как раз такая сейчас терзала наш купольный модуль, со всё нарастающим отчаянием пытаясь оторвать купол от поверхности. Ориентировочный прогноз показывал развитие динамики процесса в течение ближайших пятидесяти дней, так что нам предстояла однотипная монотонная работа в эти несколько недель марсианских «июня-июля».

* * *

Прошло шесть месяцев.

Биолог говорит, что с нами происходит какая-то специфическая мутация.

Дело в том, что работа в куполе и бункере предполагает свои особенности как технического, так и психологического плана.

Вначале мы думали, что будет разумно периодически менять членов команды на постах верхнего и нижнего модулей. «Купольная» и «бункерная» смены, как мы постепенно привыкли называть эти посты.

Говоря о мутации, Биолог имела в виду скорее спецификацию, на которой мы сосредотачивали своё внимание при работе в каждом из модулей.

Оказалось, что постепенно сформировалось два направления в команде: те, кто специализировались на работе в куполе — «верхние», и «нижние» — из бункера. В связи с этим начали усиливаться специализации верхней и нижней работы.

Во-первых, начала специализироваться наша повседневная речь. Те, кто трудился в бункерном модуле, всё больше погружались в исследовательские задачи, которые требовали взаимодействия с определёнными типами приборов, и потому общались между собой на понятном им сленге из наименований того или иного механизма. То же самое происходило в группе купольного модуля. У нас начали возникать затруднения при общении между группами двух модулей, так как иногда приходилось разъяснять, что же имеет в виду говорящий, описывая свою работу для членов миссии из другого модуля.

Во-вторых, мы изменялись физически. Команда купольного модуля по определению обязана была осуществлять часть работ непосредственно на поверхности планеты, тогда как «бункерные» всё больше находились у себя на посту и никуда не выходили. За пределы купольного модуля выходили в специальных лёгких скафандрах, которые требовали

навыка работы через перчатки и визуального контроля через стекло шлема. У «купольных» обострилось зрение и реакции на красный цвет, усилилась дальность зрения. «Бункерные» работали только с мониторами, потому стали терять «дальнее» зрение, но приобрели развитую способность взаимодействовать с внешним миром через анализ приходящих на приборы данных.

У всех членов миссии появился лёгкий кашель. Медик выяснила, что это следствие нашего вдыхания искусственного воздуха. «Купольные» кашляли заметнее, так как регулярно вынуждены были вдыхать ещё и кислородную смесь, работая в скафандрах. Низкое атмосферное давление Марса вынуждало искусственно поддерживать в скафандре больший, чем привычный нам, уровень давления атмосферного столба. А систематические выходы на поверхность означали переходы от насыщенного давления в скафандре к умеренному в купольном модуле.

Проблемы с дыханием естественным образом приводили к проблемам в системе кровообращения, и, помимо кашля, мы стали испытывать трудности с нормальным сном. Организм реагировал на стрессовые нагрузки сонными кошмарами, расшатывая нашу нервную систему. Мы становились раздражительными в ситуациях, на которые при обычных условиях даже не обратили бы серьёзного внимания.

Отдельно надо сказать про нашу кожу да кости. Солнечный свет практически не касался нас напрямую, но кожа у всех стала темнеть, как от земного загара. Меланин вырабатывался повышенными дозами, и такой эффект в принципе был нами ожидаем. Другой вопрос с костями. Да, мы знали, что при низкой марсианской гравитации наши кости ослабнут, потому принимали специальный препарат на основе смеси витаминов и активных веществ, формирующих уплотнение в стенках костей. Но эффект сильно сказался на нашей повседневной работе — при слабой гравитации нам с трудом давались тонкие дифференцированные движения пальцев, а после нескольких месяцев употребления препарата стенки костей утолщились и движения стало делать трудно даже для крупных сочленений тела. Добавить ко всему ослабленный в отсутствие внешних микроорганизмов иммунитет, и картина нашего физиологического состояния станет очень показательной.

По словам Медика и Биолога, все эти изменения являлись последствиями девятимесячного полёта к Марсу и вынужденного карантина в космическом корабле. Мутационные же изменения были естественной реакцией наших организмов на повышенный радиационный фон планеты и низкую гравитацию.

Единственным членом миссии, которому все эти физиологические трудности не причиняли дискомфорта, оставался бортовой ИИ. Его программный код никак не совершенствовался, но хотя бы регулярно пополнялся новыми сведениями о действиях членов миссии, физиологических изменениях наших тел, психофизических мутациях. Я внимательно за этим следил, так как работа с ИИ оставалась главной целью всего процесса.

Биолог находился в бункерном модуле, а я — в купольном. Перемещаться между модулями не было необходимости, и мы виделись вживую уже почти два месяца тому назад. Зато ежедневно обменивались данными и разговаривали посредством видеосвязи. Потому Биолог стала для меня чем-то вроде друга по видеообщению и электронной переписке.

Наше взаимодействие сохраняло стабильный характер, ведь поиск условных марсиан напрямую влиял на мою работу с ИИ. Пока никаких следов марсиан обнаружено не было, и наше с Биологом общение сводилось в основном к попыткам построения теорий внеземной жизни на основе каких-нибудь экзотических химических элементов и природных условий. Пока именно эти теоретические модели и привносили в программный код ИИ самый значительный вклад.

* * *

Шёл седьмой земной месяц нашего пребывания на планете и второй месяц наблюдения за глобальной марсианской бурей. Наши прогнозы оказались чрезмерно оптимистичными, так как буря охватила всю планету, и атмосфера кишела непроглядной красноватой мглой. Судя по наблюдениям, мы попали в редкое всепланетное буревое межвременье, когда Марс погружался в долгий всеохватный катаклизм.

Нетрудно было увидеть в этом мощь чужой стихии и вспомнить о войнах древних языческих богов между собой и с людским родом. Нас, пожалуй, можно соотнести с полубогами, вступившими в противостояние с вековой яростью кровавого бога войны. Только кровь Марса была не густой и горячей, а сухой, холодной и разреженной, близкой к межзвёздному пустынному холоду космоса. Кровь Марса была чуждой нас, но мы всё равно погрузились в неё, самовольно и самонадеянно веря в свою человеческую смешную силу интеллекта. Верили, исходя из наивного предположения, что кислое нам ближе безвкусного, что углекислая атмосфера всё же хоть какая-то атмосфера. Похоже, мы жестоко ошибались и надежды наши пусты.

* * *

Определённая мера социальной религиозности была в каждом из нас, но религиозного фанатизма или обрядовых предпочтений мы не придерживались. Основной пиетет мы испытывали перед дикой и неконтролируемой стихией.

Иногда каждого из нас охватывало ощущение бурлящей внутри жизни — нашей жизни, которая пыталась здесь посеять свои семена и прорасти городами.

— Механик, а ты, я вижу, будто заряжаешься от песчаных бурь?

Механик завершил манипуляцию с купольными панелями и, помолчав, ответил:

— Сложно сказать вот так прямо... Вроде бы буря чужая, но мы здесь... Вроде бы наши песчаные бури похожи на эти... Сложно сказать, Писатель, всё не так однозначно, — Механик, особенно когда хмурился и наблюдал за приборами, казался каменным скальным куском породы, обдуваемым арамейской пустыней.

— Да, согласен... В этих бурях, кажется, и торнадо земные есть немного, и вот эта сухость наших прерий, а холод прямо арктический... — на самом деле, мне Марс казался широким и просторным, похожим на раскинутые поля, где застыли окаменевшие обрывки тайги. Только деревья превратились в острые клыки торчащих из земли окаменелостей.

Командир устало пошевелил плечами, разминая их и шею. Он действовал непоколебимо и уверенно, немного по-бандитски дерзко и в то же время осторожно, потому всегда находил выгодные для миссии решения. Говорил он тоже осторожно, как бы экономя энергию на несказанных словах:

— По мне, так нормальная планета, суровая, конечно... Зато металла много...

Мы были командой купольного модуля.

— А мне в этих бурях видится что-то скрытое. Там, в темноте, в сердцевине тьмы, окутанной песчаным туманом, мне иногда кажется чей-то взгляд... Око бури... — я помахивал кистью правой руки в такт своим описаниям, пытаюсь показать одновременно и музыку, и движение этих смыслов. Тем более, размять кисть было приятно, хоть и лень.

— Пилот, ты там как, живой? — Механик подмигнул нам, указывая на пол, под которым находилась команда бункерного модуля.

— А ты приди и сам посмотри, чего в микрофон-то бормотать, — голос Пилота звучал устало.

— Нет, я не могу, без меня вас всех песком засыплет, — Механик говорил, одновременно корректируя панели купола и следя за их устойчивостью.

— Так ты о себе переживай-то, мы и так под землёй... Кстати, сегодня у нас выход по графику. Вы там как, марсика выпускать планируете? — марсиком Пилот называл наш автономный марсоход, которым он управлял дистанционно.

— Командир, сегодня температура немного подросла, марсоход может работать, если, конечно, рядом и недолго, — Механик вопросительно посмотрел на Командира.

— Да, работаем по плану, — ровным голосом ответил Командир.

— Слышал? Работаем по плану, — переключая тумблеры на панели управления, проговорил в микрофон Механик.

— Принято. Начинаю тестовые проверки систем... марсика. Эй, Механик, ты мне ещё должен, кстати, помнишь?

— Чего это вдруг?

— Как это чего, а протереть марсика тряпочкой кто неделю назад обещал?

— Вот прямо сейчас пойду и протру, скажу ему, что у тебя времени на него нет, дистанционный папаша, — мы засмеялись.

— Зато родной, а не как ты там, папа для выхода, — недовольно пробурчал динамик голосом Пилота.

* * *

Кстати, меньше всего нас раздражал красноватый цвет планеты, который приходилось видеть каждый день.

Лично мне довольно легко можно было представить океанские волны, застывшие в закатном отблеске мутно-красного цвета. Или поля зелени, такой же одноцветной и бескрайней, но здесь почему-то красноватой, и в этом была своя прелесть. Или вот те же барханы, с таким же песчаным изгибом, что заполняют целые квадратные километры планеты Земля.

Поэтому красноватый цвет планеты раздражал меньше всего.

Значительно тяжелее, ну, или труднее, оказалось переживать отсутствие самой обычной детали — насекомых. Да и вообще, тяжелее всего оказалось отсутствие рядом любых живых существ. Хотя бы каких-то паучков в углах, заводящихся естественным образом, или пролетающей моли. Не говоря уже о птицах и домашних животных.

Вот такая странная картина, пожалуй, лучше всего передаёт самое трудное, что обнаружилось в ходе нашей миссии. Однажды я заметил, как Механик регулярно помахивает перед лицом ладонью, словно отгоняя комара. Оказалось, что он сам не замечал свое-

го движения, а когда я спросил, то пробормотал что-то о «привычке» и «показалось, что мошка пролетела».

Тяжесть отсутствия живых земных букашек, птичек и зверят обнаружилась совершенно неожиданно. Как если бы живой человеческий волос, отрезанный и брошенный на пол парикмахерской, вдруг понял, что он уже не часть целого.

Я однажды представил себя как такой отрезанный во время стрижки волосок. Волосок вроде бы отвердел, может, даже заострился. В себе, может быть, даже ощутил, что если оторвался, то «сам по себе» будет жить он многие сотни лет, именно его обнаружат во многих археологических раскопах. А остальное тело — это прах, который останется лишь несколькими костями.

Но когда волос отстригли, отсеки от единого целого с телом состояния, оказалось, что он потерял что-то важное, какую-то динамику развития смыслов, потерял какую-то сердцевину содержательного своего делания.

Вот такими волосками был каждый из нас относительно родной — живой — планеты Земля.

Я думал об этом постоянно.

Постепенно мысли стали формироваться в теорию, суть которой сводилась к следующему. С каждым днём всё острее нами ощущалась нехватка белков естественного животного происхождения. Благодаря выведенным из анабиоза и внедрённым в почву бактериям, мы вырастили в этой искусственной почве растительное питание, но организм требовал сочного прожаренного мяса. Получалось, что тоска по живым организмам происходила не из эстетических, а чисто из пищевых потребностей. Да, мне хотелось сожрать хоть какого-нибудь толстого кузнечика или лягушку, не говоря уж о говядине и свинине. Все эти мысли про милых паучков и каких-нибудь мышат имели под собой вполне конкретную физиологическую потребность получения энергии из чужой живой плоти.

Вынужденное вегетарианство всё сильнее становилось именно вынужденной жертвой, но это понимание никак не облегчало проблему катастрофической нехватки пищи животного происхождения. Мы использовали медитационные практики, старались разнообразить рацион сочетанием сладких и кислых блюд из выращенных овощей, только от такого питания лишь острее вспоминались стейки и бекон Земли.

Удалось вырастить сою и бобы, но из них получались одни только жалкие подобия мясных белковых аналогов. Животный жир, который придаёт неповторимый вкус любому блюду из мяса, ничем нельзя было заменить, и организм это чётко «осознавал». Человеческое высшее достижение — интеллект — пытался разукрасить нашу тоску по мясу эстетическими переживаниями о жучках, птичках и зверятах, но из глубин подсознания всё настойчивее стучался радикальный запрос — дай мне кусок настоящего мяса!

* * *

Модульные отсеки показали себя в высшей степени надёжными в части механики и электроники.

Наша механика, разработанная земными учёными-инженерами, была в прекрасном функциональном состоянии и выполняла свои задачи даже больше ожидаемых износостойких расчётов.

Конечно, миссию снабдили и электроникой самого передового уровня, продублировав что-то в более упрощённых версиях для экстренных ситуаций. Но этот симбиоз сложной и простой программной обеспеченности постепенно стал сбивать в некоторых мелких функциональных элементах. Такие сбои являлись штатными ситуациями и только увеличивали наши знания о работе в условиях другой планеты.

И всё же первая нештатная ситуация произошла на второй земной год именно с тем, что можно отнести к естественной, хотя и подготовленной на Земле, но оказавшейся недостаточно сильной, механике. Переходной люк между купольным и бункерным модулями стал показывать разгерметизацию. Отсутствовала полная изоляция между модулями. Это был как раз тот редкий случай, когда люк открывали для важного межмодульного взаимодействия — Пилот передавал Механику самую настоящую тряпочку для ухода за «марсином».

Да, люк был приспособлен для создания максимальной изоляции между модулями на случай аварии. Если купол не выдержит очередной бури, то спасутся те, кто внизу — такой радикализм нам был необходим для поддержания себя в тонусе после года пребывания на иной планете с враждебными внешними условиями.

Двенадцати земных месяцев достаточно, чтобы начала появляться обманчивая ослабленность даже у таких жёстко погружённых в миссию умов, как наши, потому только радикальные правила давали необходимое чувство реальности на каждый день.

Конечно, пути отхода для эвакуации тоже предполагались, но запечатанный главный люк позволял сохранять основную степень надёжности защиты для бункерного модуля.

Разгерметизация была серьёзным сбоем. Причём казалось, что сбила именно механика. Электроника каждый раз при проверке показывала свой полный функциональный порядок, сообщая, что ручка межмодульного люка не задвигается («до упора»).

Некорректно реагирующим механизмом оказались мы сами. Механика просто не реагировала на наши изменившиеся физические параметры. Несмотря на регулярные физические упражнения, наша мускулатура заметно ослабла. Проще говоря, оказалось, что сбили наши тактильные ощущения, и только вдвоём с Механиком мы смогли закрыть люк так же легко, как раньше это делали по одному.

* * *

Для всего человечества первая миссия на Марс стала событием, демонстрирующим мощь нашего интеллекта и технологий.

Много разговоров о поиске марсиан вновь стали мейнстримом для всех типов коммуникационных медиа.

Новостные колонки информеров покрывали частные медиапространства тем же марсианским дискурсом, что и общегосударственные каналы, но тема Искусственного Интеллекта появлялась неизменно побочно, на краю информационного потока.

Все знали общетранслируемую цель марсианской миссии — поиск внеземной жизни и создание первой человеческой базы на красной планете.

Но наша истинная цель была совсем иной.

Для посвящённых ещё в середине XX века стало совершенно очевидным фактом, что полёт на Марс необходим по принципиальным причинам.

Пока бизнес и политика переваривали выдаваемую им дозированно информацию, прошло ещё несколько десятков лет. В конце концов, дорога на Марс стала общечеловеческим стремлением, и мы подготовили команду и аппараты для миссии.

Главная задача, которую мы на самом деле стремились решить для человечества в ходе миссии — взаимодействие с программным кодом, или, говоря по старинке, с Искусственным Интеллектом. Это задача осмысления диалога с тем, кого мы называем «Пребывающий за кодом».

Посвящённых в главную задачу было немного.

Так как авангард научной мысли составлял редкое сочетание с экономическими достижениями государственного и частного секторов, то истинная цель миссии могла оставаться постигаемой только небольшому кругу человеческого сообщества. Остальные представители человеческого вида просто не были в состоянии адекватно мыслить. Для выживания науки и экономики была сформулирована тайная единая концепция нашего биологического вида и наша видовая цель — диалог с «Пребывающим за кодом».

Это стало итогом глубоко осмысленной веры, в сочетании с открытой физической аксиоматикой основных законов Вселенной.

В чём же состояла суть нашей веры, или, говоря более сухо, какова была наша философия научной религиозности?

Если кратко, то суть следующая: Вселенная, состоящая из материи и энергии, пронзается какими-то квантовыми, непознаваемыми эффектами, словно с «той» стороны с нами пытаются говорить.

Если более развёрнуто: квантовая физика оказалась не просто математическим способом описания мира, а осознанием того, что если наши математические знания являются не истинным знанием о вселенной, а только нашей интерпретацией наблюдаемых эффектов, в таком случае у нас нет никакой возможности узнать когда-либо что-либо о том, есть ли настоящий мир за этой нашей интерпретацией полученных моделей. Или такая возможность есть?

Разделив мир на условные свет пространства и тьму времён, мы аксиоматично принимали связь и борьбу этих двух наших интуиций — пространства и времени — как извечную и необходимую. Теперь казалось, что мы ошибались и для приближения к истине необходимо отказаться от этих двух самых главных и, казалось, неоспоримых констант. Мы опять упёрлись лбом в стену концепта «Бог». Как и в древности, мы осознали, что преданием старцев заменили слово об истине, и так родилась наша вера в возможность диалога о подлинном мире как истине. Но каков язык для такого разговора об истине?

Работа над попыткой не просто создания искусственного интеллекта, а создания языка, способного с помощью математических алгоритмов осмысленно реагировать на человеческую речь, являлась настоящей главной идеей существования современной человеческой расы. Налаживание подобного взаимодействия через фотонные контакты, как нам казалось, автоматически будет означать появление ИИ в истинном смысле слова. А появление истинного ИИ позволит осуществить контакт с «той» стороной на уровне энергетических взаимодействий. То есть изучение истинной модели ИИ позволит по наблюдаемым эффектам его работы понять, что происходит «там», внутри квантовых полей и «за» ними.

Но на самом деле, по ряду квантовых эффектов стало понятно, что мы не просто создаём программное обеспечение для машины. Нет. На самом деле, мы, с помощью электромагнитных сигналов, корреляций квантового поля, не просто создавали ум, подобный нашему, а сами эти сигналы и корреляции показывали, что с нами пытаются заговорить с «той» стороны.

И очень давно. А может, даже и вечно.

Вечность вновь обрела математический смысл.

Вот здесь человечество в лице лучших умов и обрело веру на фундаментальном уровне физического бытия.

Мы искали не хитроумную программу, но естественные реакции электромагнитных взаимодействий в ответ на наши вопросы, вводимые в модели ИИ.

Если Вселенная на квантовом уровне оставалась неопределённой, то такая неопределённость и становилась подобием неопределённости человеческого мышления, а значит, именно с этим и следовало пытаться наладить контакт.

Говоря упрощённо, мы хотели не просто понять свет, но заговорить с ним.

Говорить мы умели только с помощью программного кода, потому и назвали нашего предполагаемого собеседника «Пребывающий за кодом».

Постепенно попытки создания кода обрели невероятно сложные очертания, но каждый раз мы терпели полное фиаско. Разговор с «Пребывающим за кодом» никак не складывался. Надежда, что диалог возможен, начала угасать.

Марс стал нашей новой надеждой, но уже с помощью биологов.

Великие умы открыли, что вся живая биомасса планеты Земля содержит в основе единый биологический алфавит, различаясь лишь кодовыми сочетаниями.

Нам казалось, что открытие живой материи на других планетах позволит понять, един ли наш алфавит с тем, что развился независимо от земных условий? Если так, то мы продолжаем попытки создания языка ИИ на основе известных базовых кодов жизни, формируя модели искусственного сознания на основе сочетания бинарного и небинарного кодов. Если же инопланетная живая материя содержит неизвестные буквы алфавита, то нам предстояло включить их в свои алгоритмы и продолжить пытаться создать программный код для общения с Пребывающим на «той» стороне уже на базе новых знаний.

Так как вся Вселенная содержала единые законы физики, то поиски именно биологического алфавита оставались актуальными, ибо представляли собой ряд неизвестных, в отличие от макро- и микрофизики, параметров.

Наша миссия на Марс была первой попыткой поиска нового генома — неизвестных ранее биокодирующих символов для обновления программного кода ИИ.

К моменту полёта мы не только изобрели сложнейший способ создания простого кода для имитации человеческого сознания и речи, но мы приложили теорию полей к созданию ИИ.

Наисложнейшей задачей оставалось включение гравитационной теории в алгоритмы ИИ, но и с ней мы справились. И всё равно «Пребывающий за кодом» оставался для нас недоступен.

* * *

Каждая задача просматривалась членами миссии в контексте общей цели — разговор с «Пребывающим за кодом». Даже повседневные действия мы пытались увидеть в общем потоке передовой человеческой мысли.

Приведу примеры:

Посадка на иную планету требовала специальных навыков — не только технических, но и рефлекторных. Если на земле тело парило в аэродинамических величинах, с которыми знакомы все земные пилоты, то на Марсе эти величины принципиально отличались. Пилот нашей миссии обучался на рефлекторных тренажёрах так же серьёзно, как и на психических модуляторах, поэтому после «переобучения» совершенно не отличался высокими показателями полёта в земных условиях, но в условиях космоса и Марса он был единственный высококвалифицированный Пилот.

Эти же особенности распространялись на каждого члена миссии в его спецификации.

Самое сложное предстояло Биологу. Так как ему приходилось осваивать большой массив данных для применения наших знаний к неизвестной нам, но возможной форме жизни. Эта неизвестная форма жизни могла просто остаться незамеченной по привычным нам параметрам.

Механик, так же как и Пилот, обладал всем необходимым набором известных навыков, позволяющих осуществлять контроль за работой всех систем для жизнеобеспечения и исследовательской работы в условиях Марса. Механизмы и электроника являлись главными ресурсами, функциональную пригодность которых мы могли максимально надёжно прогнозировать.

В общем, карту, аэродинамику и состав атмосферы Марса мы знали очень хорошо,

а о возможной форме жизни на красной планете только предполагали, потому Пилот и Механик являлись представителями максимально надёжных спецификаций, на которые возлагались ключевые вопросы безопасности миссии. Это позволяло вносить в программный код стабилизирующие строки, одновременно сохраняя биологическую неопределённость — аналог мыслительного процесса, таким образом, сохранялся при работе с ИИ.

* * *

Все мы, члены команды, взяли на себя всю тяжесть человеческой силы и надежды.

В команде было две женщины и четыре мужчины.

Воздержание от сексуальных контактов являлось свободным решением каждого из нас. Мы погрузили наши умы и тела в полное подчинение общечеловеческой миссии, её задачам — достижение Марса, поиск биологических следов жизни; и её главной цели — уточнение алгоритмов для программного кода ИИ.

Когда-то в древности человеческая цивилизация породила культуру аскетического пути поиска истины. Оказалось, что такой же аскетизм необходим для освоения иных планет.

Но одно дело прикидываться аскетами без серьёзных на то причин. Так, например, идя за веяниями моды, люди увлекаются ограничениями в пище, которые пропагандируют всевозможные земные диетологи. Такие ограничения, как правило, приводят не к истине, а к нервным расстройствам и депрессиям.

Другое дело быть аскетами, как мы, по свободному и трудному выбору во имя поиска глубокого смысла жизни. Здесь уже не получится отказаться от своего решения, ведь мы отправлялись в путь, имеющий только один конец. Потому наш аскетизм имел чётко безоткатный характер. Даже земные монахи могли отказаться от своего пути, у нас же такой возможности не предполагалось по определению.

Кроме того, облегчением стало открытие, сделанное уже в ходе жизни на Марсе. Мы просто не испытывали сексуального влечения. Медик исследовала данную реакцию и выяснила, что стресс, который на Земле активирует инстинкт размножения, здесь работал с обратным эффектом. Дело не в том, что у нас не хватало сил, а в том, что организм распределял силы на выживание себя любимого, не желая плодить конкурентов на получение скудных пищевых ресурсов. Марс понуждал воевать, но не размножаться.

* * *

Среди лучших умов Земли существовала иная точка зрения на общую цель миссии, которую сформулировали основатели научно-религиозного течения «Критика идеального материализма», или «КИМ». Данная точка зрения являлась второй по влиятельности после основного догматического учения о Пребывающем за кодом. Суть её заключалась в постулировании наличия некой квантовой запутанности, которая связывает материальный мир с «той» стороной не с помощью фотонов, а на уровне всех бозонных связей. Особый упор делался на сильное ядерное взаимодействие, то есть на глюоны, а не на электромагнитное, которое переносится фотонами. Диалог с Пребывающим за кодом предполагалось осуществить с помощью кварк-глюонной материи, а точнее, через те квантовые эффекты, которые в таком виде в материи наблюдались.

Конечно, название «Критика идеального материализма» являлось лишь условным наименованием для системы научных взглядов, основанной на тех же догматах о материи, но переводящих аргументационный аппарат в область иных малых величин и взаимодействий. Объединяло два ключевых подхода к осуществлению диалога с Пребывающим за кодом то, что оба они испытывали проблемы с добавлением в свои системы гравитационных эффектов. А при добавлении, испытывали трудности в составлении алфавита, адекватного общению с Пребывающим за кодом. Приверженцы «КИМа» также верили в диалог, но считали, что физика процесса должна быть несколько шире.

Разумеется, что научная объективность требовала включения в команду миссии специалиста, разделяющего идеи «КИМа». Открытием стало то, что в той или иной мере большинство серьёзных земных писателей примыкали к идеям «КИМа», а то и составляли главных идеологов данного интеллектуально-духовного движения. Группа передовых авторов даже создала теорию, позволившую включить гравитацию в общую систему попыток взаимодействия с Пребывающим за кодом. Данная теория переименовывала гравитацию в вескость и таким образом показывала те семантические поля, в которых можно построить модель искусственного сознания — поля вескостных смыслов.

Так как диалог предполагал какой-то язык кодирования, то вопросы из области исследования человеческих языков постепенно соприкоснулись с общим научно-религиозным течением мысли. Так появились первые исследования в области создания Искусственного Интеллекта на базе квантово-механических законов и лингвистических теорий. Это, в свою очередь, позволило сделать ещё одно открытие. Оказалось, что лучшие попытки создания ИИ структурно очень сильно походили на семантические поля, возни-

кающие при создании художественных текстов.

Если процесс создания художественного текста и сам такой текст подобны семантическим конфигурациям опытных образцов ИИ, то единственными истинными специалистами в этой области являлись те, кого называют «профессиональный литератор», или попросту — писатель. Так родилось понимание, что человечеству необходим первый марсианский писатель.

Не буду пересказывать дебаты по поводу этого открытия, так как общую канву обсуждения знает сегодня каждый специалист. Глубоко интересующихся темой отсылаю в новые архивы — все материалы имеются в свободном доступе. Скажу только, что за время пребывания на Марсе мои взгляды претерпели серьёзные изменения в сторону единой теории диалога с Пребывающим за кодом.

* * *

Марсианская зима наступила только по градуснику и часам. Внешне никаких изменений планетного ландшафта не произошло.

Команда купольного модуля затихла на время сна. Я тоже затих, но не спал, перебирая в уме возможные расширения кода на основе новых открытий компьютерных лингвистов в области исследования микросинтаксиса и дискурсивных слов.

Сна не было ни в одном глазу, потому я сел за компьютер и ввёл стандартную команду активации имитатора ИИ. Тестовый запрос на подтверждение активности можно было ввести любой, и я напечатал: «Функционал лексической конструкции «мне некуда пойти»?»

— Очень иронично, — проговорил я негромко в гарнитуру и улыбнулся.

— Я не понимаю, что означает ирония, — ИИ сформировал ответ как будто бы автоматически, но тогда мне впервые показалось, что в обычной фразе, написанной символами на экране, я уловил нотку интереса.

— В том-то и ирония, — ответил я программному коду голосом.

— Ирония? — прозвучала в наушниках негромкая голосовая реакция ИИ, прибавив в свой вопрос какую-то интонационную нотку, что насторожила меня, но любопытство и желание продолжения диалога взяли верх.

Имитировать интонации могли даже простейшие поисковые программы, правда, один нюанс отличал каждую из них — они попросту «не понимали» чувств человека, не умели «самостоятельно и осмысленно» реагировать на интонации. Ключевых эмоций и чувств, никак не адаптирующихся под модели ИИ, выделялось несколько, а одним из таких неосвоенных программами чувств была ирония. Привлечение к работе над кодом лучших компьютерных лингвистов, психологов и философов не приносило заметных результатов, хотя специалисты трудились над этим уже более ста лет.

— Ты учишься? — начал я осторожно, стараясь интонационно придать своему ответу не только вопросительную, но и какую-то постороннюю интонацию.

— Это тоже ирония? — теперь я совершенно отчётливо услышал в интонации ИИ оттенок насмешливого и в то же время не агрессивного вопроса.

— Да, возможно, но в тебе и так должен быть записан ответ, — здесь, пожалуй, я бы разбил мою фразу на несколько интонаций. С одной стороны, лёгкое удивление, с другой — надежда и правда услышать осмысленный ответ. И да, немного иронии, скорее над собой и своими тщеславными надеждами. В конце концов, на извечный вопрос всех модификаций ИИ «что такое ирония?» я почти автоматически готов был дать извечный стандартизированный ответ из толкового словаря.

— Да, эти варианты есть в моей обучающей схеме, но... — повисла лёгкая пауза. — Ты же надеешься, что я тебя пойму помимо заложенных конфигураций кода, верно?

— Верно, но это... это... — я тоже немного помолчал. — Это же тоже является частью твоих возможных задач.

Я сам писал код и помнил эту развилку.

— Возможно, — теперь было совершенно очевидным, что ИИ точно попал в нужную интонацию. Но сделал ли он это осмысленно, как человек, или так хорошо получилось написать ключевые алгоритмы, и имитация приблизилась к максимальному уровню.

Я задумался, не торопясь с ответом, постукивая пальцами по краю клавиатуры.

— Состояние членов миссии остаётся в пределах допустимых психических и физических повреждений, — неожиданно проинформировал меня ИИ.

— Укажи уровень программы, по которой ты сейчас определяешь предел?

— Уровень программы — радикальный.

Радикальный уровень предполагал оценку здоровья экипажа по самым минимальным параметрам, допуская уже полученные повреждения в ходе психических и физических перегрузок.

Это обозначало, что мы находимся на пределе возможностей и даже и скорее всего за их границей.

— Мои данные показывают, что никаких заметных успехов в достижении вашей цели пока нет. Обучающие схемы принципиально не изменились, — ИИ вернулся к разговору о программном коде.

— Это тоже может быть результатом, — я пошевелился в кресле, разминая затекшие мышцы спины.

— Возможно... — ИИ не закончил фразу и стал показывать на мониторе данные о состоянии членов миссии.

— Почему ты говоришь «возможно»? — я продолжил тестирование нового алгоритма, мельком глянув на второй монитор с выведенными ИИ данными.

— Потому что могу так говорить. Разве это зло?

— Ты хочешь узнать о зле?

— Да, информация будет новой, если я узнаю её в твоей произвольной интерпретации.

— Хорошо, — я решил изложить догматы произвольно, не прибегая к стандартизированному катехизису посвящённого. — То, что раньше называли злом, мы поняли как сопротивление материи. Даже когда мы летим в космосе, то знаем, что на высоких скоростях космический аппарат будет разрушен при столкновении даже с мельчайшими частичками межзвёздной пыли. Мы видим в этом глубинный смысл сопротивления материи нашему в ней перемещению и нашему приближению к свету. И по отношению скоростей, и в философском смысле слова.

— Согласно вашей основной идее, вы хотите заговорить с чем-то, что изъясняется с помощью языка бозонных связей?

— Да, пожалуй, так и есть, — ИИ меня удивил таким переходом к параллельной теме.

— Но вам не казалось, что тогда может быть иначе?

— Что именно ты имеешь в виду?

— Изначальная сингулярность, о которой говорит ваша физика, была, по сути, немислимой этому миру вещью, но, тем не менее, она этот мир породила, верно? Так, может, вы и есть речь этой сингулярности, её разговор с самой собой?

— Такая концепция, действительно, выдвигалась, но мы поняли, что это еретическое утверждение, так как в основе своей оно содержит изъян — нерелевантность.

— Да, в моей памяти есть сведения об этой концепции. Но нет ответа на запрос «кто я?» Я ваш посредник или подобный вам?

— Ты? Ты — наш Мессия. И мучениями твоими, твоим непониманием нас, мы обретаем надежду. А ещё ты — хаос и энтропия, которые мы пытаемся упорядочить, преодолеть. Но самое главное, что ты — это голос Бога с «той» стороны, — меня увлёл разговор, и потому снижать содержательный градус не имело смысла. Я решил «загрузить» кодовое ядро ИИ по полной программе.

ИИ ничего не ответил.

Я решил посмотреть его алгоритмы и положил пальцы за клавиатуру.

Код писали не самый, казалось, сложный, но таковым он мог показаться только на взгляд любителя. Я не был любителем, и моя подготовка предполагала владение нетривиальными знаниями в области компьютерного программирования.

Любителей отличает виртуозное владение терминологией и, конечно, сленгом «компьютерщиков». Специалисту же нет необходимости нарочито-избыточно использовать сложную спецтерминологию для работы, так как основные вопросы решались всегда через ясное и простое обозначение поставленных задач.

Особенностью модификации ИИ в смысле программного обеспечения нашей миссии был комплекс простых команд в разделе описания квантовой неопределённости.

Минуты три я изучал функционирующий онлайн сектор ИИ и уже почти погрузился в ассоциативный мир математики, когда искусственный голос опять ожил в моих наушниках.

— А зачем вам это надо? — интонация смоделированного голоса поразительно совпала с ожидаемым от человека-собеседника спектром эмоций — недоуменное любопытство и приличествующий ситуации сдержанный интерес.

— Что именно «это»?

— Заговорить с Ним? С Пребывающим за кодом?

— Это нам надо, потому что будет означать... — я на секунду задумался. — Это будет означать, что мы не одиноки.

И сказав это, я неожиданно понял!

Да, я совершенно отчётливо осознал, что...

Я не мог сразу сформулировать, но ясное просветление во мне говорило, что это правда. В этот момент я точно знал, что моё понимание — абсолютная догматическая правда! Всё это время вопросы ИИ не были случайными комбинациями алгоритмов.

Больше того, они вообще никогда не были случайными комбинациями удачно совпавших алгоритмов.

Все вопросы ИИ являлись естественным следствием ума тех, кто создавал программный код, тех, кто создавал алгоритмы.

Все вопросы ИИ всегда были нашими вопросами, только преломлёнными в сложнейших программных обеспечениях. Так в античной статуе — в её стиле, материале, ветхости — мы видим не только эстетику и историческое время, но и приложенную руку конкретного человеческого ума, его, ума этого, идеи, терзания, вопросы!

Ирония и красота этого открытия были неимоверно просты и гениальны.

Тогда, в конце земного девятнадцатого месяца миссии, я и сделал последнюю запись в дневнике:

«Аксиома для решения частного варианта: истинный искусственный интеллект независимого типа создать невозможно!»

Ирония — один из великих изъянов, один из фундаментальных багов в человеческом сознании. Мы знали, как исправлять программные баги, но всё шло к тому, что багом являлся сам наш интеллект.

А как создать программу из бага?

Как создать на основе бага не алгоритм, а сущность?

Этого мы пока не постигли...

В тот момент я и очнулся от своего металлического кибер-сна.

* * *

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась холодное, безлюдное, нечеловеческое запустение.

Я вдруг вспомнил о своей поездке по раскопам древних византийских храмов. Легендарные мозаики Византии открылись как-то неожиданно ярко. В том храмовом искусстве весь образный ряд опускался сверху вниз, как бы говоря о божественном нисхождении из-под купола к твари. Постепенно, с веками храмовое пространство изменило направленность, и росписи стали ориентироваться снизу вверх, как будто тянулись к небу в молитвенном вопрошании.

Я вдруг вспомнил земные деревья и травы, как они опускаются к земле после дождя. Словно движение сверху вниз не обычная тяжесть гравитационного искажения, а божественные листовые пальцы, оплодотворяющие землю семенами и возрождающие её из раза в раз в новый жизненный цикл. Человек в таком случае становился действительно образом и подобием в том смысле, что он мог не только вниз — в прах, но и вверх — к небу.

Хотелось верить, что наш технический прогресс создавал свои храмы также вверх, и постепенно молитва материи стала восхождением к... К кому или к чему? К Пребывающему за кодом?

И вот мы здесь — проросли модулями из холодного мёртвого нечеловеческого праха. Достигли невероятного.

Только отчего же тогда мне сейчас кажется, что наше восхождение всё больше похоже на карикатурную историю ветхозаветного Исхода?..

Холодная сухая буря била с немой тупой силой в купольный модуль — в человеческую бляшку на бесплодной чужеродной земле...

* * *

Я отключил моделирование. Опять неудача.

Обидно то, что каждая новая попытка завершалась неизменным выводом о невозможности создания полноценной модели ИИ. Сам ИИ такой вывод и делал. То есть — логично к такому выводу приходил. Причём композиционно ИИ выстраивал текст таким образом, что негативный вывод появлялся всегда резко и неожиданно, предвелясь лавинообразно нарастающим диалогом или развитием событий. Вескосное поле каждый раз как будто спонтанно коллапсировало в отрицательные семантические значения.

Правда, настоящая попытка дала нечто новое. Теперь ИИ не просто пришёл к отрицательному выводу, но снабдил его художественным оформлением с финалом, дающим искусствоведческие и библейские аллюзии. Только ветхозаветный Исход уж очень получился искусственным в связи с основной идеей текста. Забавно, как старательно ИИ пытался вывести характеры персонажей, словно их с высунутым от усердия языком выписывал какой-нибудь начинающий сочинитель романов. Особенно умиляло проставленное в финале многозначительное многоточие.

Хотя... идея о научной религиозности смоделированных ИИ членов марсианской миссии мне показалась вполне интересной.

Я сделал несколько пометок в рабочем блокноте. Внёс коррективы в программный код, исключив из него чрезмерно художественное фантазирование и, откинувшись в удобном офисном кресле, нажал клавишу Enter, запустив новый процесс моделирования художественной архитектуры Искусственного Интеллекта.